

Зарин Андрей Ефимович

Всемирный пожар

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
А65

А65 **Андрей Ефимович З.**
Всемирный пожар / Зарин Андрей Ефимович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 438 с.

ISBN 978-5-519-85715-4

ISBN 978-5-519-85715-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

— Ну, ну! зато здѣсь мы можемъ говорить спокойно. Шеловѣкъ! — закричалъ онъ. Къ нему тотчасъ подскочилъ лакей.

Толстякъ сдѣлалъ распоряженіе, а потомъ прибавилъ:

— Ты будешь готовить мнѣ номеръ. Знаешь, тотъ, второй.

— Слушаю-съ, Иванъ Ивановичъ, — махнувъ салфеткой и широко улыбаясь отвѣтилъ лакей и побѣждалъ исполнять его заказъ и приказанье.

Иванъ Ивановичъ снова обратился къ дѣвушкѣ, при чемъ лицо его сразу приняло серьезное выраженіе, и заговорилъ по-нѣмецки:

— Ну, моя Берта, теперь рассказывай, что ты сдѣлала, а я буду тебѣ говорить, что надо дѣлать. Какъ твой глупый Ватрушкинъ?..

Дѣвушка улыбнулась.

— Я уже вамъ говорила, что онъ мой. Онъ совсѣмъ отъ меня безъ ума, и я могу сдѣлать съ нимъ все, что хочу.

— Хорошо, очень хорошо! — сказалъ Иванъ Ивановичъ, пыхнувъ сигарою: — Теперь, Берта, въ твоихъ рукахъ твое богатство; зпаचितъ, твое счастье. Ты должна съ нимъ сойтиться, совсѣмъ закружить ему голову. Ты знаешь, какъ это дѣлать! и вотъ тогда требовать отъ него денегъ, денегъ и денегъ, и когда онъ будетъ совсѣмъ въ отчаяннѣ и скажетъ тебѣ: «Берта, я готовъ тебѣ отдать жизнь, но у меня нѣтъ денегъ», тогда ты ему скажи: «Я знаю человѣка, который дастъ тебѣ много, много денегъ», и когда онъ тебѣ скажетъ: «познакомь меня съ этимъ человѣкомъ», ты тогда будешь извѣщать меня. Я съ нимъ уговорюсь, и онъ тебѣ будетъ приносить деньги. Ты ихъ прячь, ты ихъ трать, ты ихъ бросай, это твое дѣло, но сдѣлай его безумнымъ и опять требуй деньги и деньги. А сейчасъ я тебѣ могу дать немного денегъ; ты купишь себѣ на это что-нибудь изъ костюма.

Онъ опустилъ руку въ жилетный карманъ и передалъ дѣвушкѣ двѣ двадцатипятирублевыхъ ассигнаціи.

Она быстро спрятала ихъ за перчатку и, бойко кивнувъ головою, сказала:

— Это я скоро сдѣлаю. Онъ уже совсѣмъ готовъ. Ну, а теперь я пойду. Уже поздно!

— Пойжди! ты пойдешь черезъ другой ходъ, а теперь со мной перейдешь, какъ будто въ номера.

Лакей подошелъ съ огромнымъ подносомъ, на которомъ гремѣли рюмки, стаканы, тарелки.

— Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ, это все туда!

— Слушаю-съ, — отвѣтилъ лакей и, извиваясь станомъ, побѣждалъ съ подносомъ въ противоположную дверь мимо буфета.

Иванъ Ивановичъ вмѣстѣ съ дѣвушкой прошелъ черезъ залъ и скрылся за той же дверью.

Сидящіе за столикомъ подлѣ самага буфета три купца съ раскраснѣвшими отъ выпитаго вина и водки лицами обратились къ буфетчику и спросили:

— Что за птица? Постоянно съ бабой и всегда пьянъ?..

Буфетчикъ пожалъ плечами и, опираясь на стойку руками, отвѣтилъ:

— Можно сказать, понятіевъ не имѣю, а гость богатый и почтенный, зоветъ себя Фанъ Фанычъ, и мы его Иванъ Ивановичъ. Такъ, нѣмецъ какой-то...

— Надо быть, колбасой торгуешь, — сказалъ одинъ изъ купцовъ, и, обращаясь къ своей сосѣдкѣ, прибавилъ:

— Ну, мамзель, выпьемъ и колбасой закусимъ!..

— А можетъ, булочникъ, — замѣтилъ другой, — они, братъ, адѣсь по разнымъ частямъ: и колбасники, и булочники, и портные.

— Выпьемъ за нѣмца! — сказалъ опять первый. — Ну, мамзель, пьемъ за нѣмца! — и онъ протянулъ къ раскрашенной дѣвицѣ рюмку, половину расплескавъ на скатерть.

— Надо думать, подрядчикъ какой, — сказалъ буфетчикъ. — За- всегда къ нему въ номеръ люди ходятъ и по дѣламъ разговариваютъ.

II.

Дѣловые разговоры.

А тѣмъ временемъ Иванъ Ивановичъ выпелъ на площадку лѣстницы, на которую вела другая дверь въ коридоръ съ «Номерами для прїѣзжающихъ».

— Вы тутъ, Берта, выйдите на улицу. Возьмите извозчика и уѣзжайте, а я пойду.

Дѣвушка быстро стала спускаться съ лѣстницы, а онъ, пыхнувъ сигарой, вошелъ въ длинный коридоръ, по сторонамъ котораго бѣлѣли двери отдѣльныхъ номеровъ.

Коридорный встрѣтилъ его, какъ знакомаго, почтительнымъ поклономъ. Онъ кивнулъ ему и сказалъ:

— Кто спроситъ Фанъ Фаныча, веи въ этотъ номеръ, я буду немного заниматься и закусывать, а потомъ позовешь ко мяѣ...

И онъ лукаво подморгнулъ ему, на что коридорный широко улыбнулся и отвѣтилъ:

— Знаю, Иванъ Ивановичъ, какъ только понадобится, извольте позвонить.

Онъ пробѣжалъ впередъ и распахнулъ передъ нимъ дверь, на которой стояла цифра «2». Иванъ Ивановичъ вошелъ въ номеръ, сѣлъ на диванъ передъ накрытымъ столомъ, налилъ себѣ рюмку водки и взялъ большой кусокъ ветчины.

Въ дверь раздался стукъ.

— Ну, да! Войдите! — громко сказалъ Иванъ Ивановичъ, прожевывая ветчину.

Дверь открылась и въ номеръ бокомъ скользнулъ приземистый, плечистый человѣкъ, съ рыжей бородой и усами, рябымъ лицомъ,

косой на одинъ глазъ, одѣтый въ теплое пальто съ облѣзлымъ мѣховымъ воротникомъ.

Онъ поздоровался за руку съ Иваномъ Ивановичемъ, снялъ шапку, пальто, бросилъ ихъ на кресло и сѣлъ противъ Ивана Ивановича.

— Пей и закуси, — сказалъ Иванъ Ивановичъ по-пѣмецки, и они стали разговаривать, выпивая и закусывая, при чемъ пришедшій держался съ видимымъ почтеніемъ.

— Ну, что сдѣлалъ, какія настроенія, что интереснаго?

Косой пожалъ плечами и отвѣтилъ:

— Пока ничего. Работаютъ и пьютъ.

— Это всегда; русскій свинъ; онъ безъ водки не можетъ, а все-таки, его нужно взволновать, надо сдѣлать какой-нибудь штуркъ.

— Будетъ, будетъ! У меня уже есть нѣсколько ребятъ: я ихъ подговариваю, дразню, какъ быковъ; а потомъ, и средство есть одно. Теперь компанію собираю.

Иванъ Ивановичъ кивнулъ. Косой продолжалъ:

— На всякой сходкѣ бываю. Когда говорю, то меня слушаютъ. Третьяго дня одинъ даже студентъ крѣпко пожалъ мнѣ руку и сказалъ: «Хорошо, товарищъ, мы вамъ сочувствуемъ и всегда поможемъ».

Иванъ Ивановичъ крѣпко кивнулъ головою и спросилъ:

— Надо денегъ?

— Деньги всегда нужны, — отвѣтилъ косой, широко улыбаясь. — Даешь и на водку, даешь и въ займы; подписался на три газеты, внесъ въ кассу; скоро надо будетъ много денегъ...

— Ну, и сколько?

— Дайте триста...

— Ой, много берешь денегъ, много! Напиши расписку на пятьсотъ рублей.

Онъ вынулъ записную книжку и подалъ ему механическое перо. Косой нагнулся и быстро написалъ расписку. Иванъ Ивановичъ прочелъ, аккуратно положилъ книжку въ карманъ, потомъ вынулъ бумажникъ, подалъ три сторублевыхъ ассигнаціи косому и сказалъ:

— Теперь, уходи.

— Всего добраго, — отвѣтилъ тотъ, пряча деньги въ кошелекъ. — Когда приходитъ?

— Черезъ недѣлю, если ничего не будетъ интереснаго.

— Сюда?

— Нѣтъ, тогда не здѣсь; я буду тамъ, на Садовой.

— Вѣна?

— Вѣна, — отвѣтилъ Иванъ Ивановичъ.

Косой одѣлся, нахлобучилъ шапку и выскользнулъ изъ двери. Почти тотчасъ же, послѣ его ухода, раздался снова стукъ, и снова Иванъ Ивановичъ крикнулъ:

— Входите!

Въ комнату вошелъ маленькаго роста, бритый брюнетъ. Черные, маленькіе глазки бѣгали во всѣ стороны, словно тараканы, ищущіе

хлѣбныхъ крошекъ. Тонкій носъ непрерывно шевелилъ ноздрями, словно что-то вынюхивая.

Иванъ Ивановичъ закивалъ ему привѣтливо головою и сказалъ:

— А! Генрихъ Шпигъ!

— Я самый, — быстро отвѣтилъ пришедшій, снимая шалку.

— Мнѣ о васъ говорили; садитесь, пожалуйста. Вы знаете, что вамъ надо дѣлать?

— Очень хорошо, — отвѣтилъ Шпигъ.

— Тутъ очень важно, чтобы вы могли хорошо говорить по-русски.

— Я говорю, какъ чистый русскій, — отвѣтилъ Шпигъ на чисто русскомъ языкѣ. — Слава Богу, я восемь лѣтъ прожилъ въ Москвѣ.

— Это очень важно. Теперь, я вамъ буду давать, — Иванъ Ивановичъ тотчасъ перешелъ на нѣмецкій языкъ, — паспортъ и рекомендательное письмо.

Онъ вынулъ изъ кармана бумажникъ и досталъ оттуда конвертъ и потрепанную бумагу.

— Вотъ, это паспортъ. Вы — Степанъ Тарасовъ, московскій мѣщанинъ. Поняли? Это надо будетъ хорошо запомнить. А, кромѣ того, вы — мастеръ по токарной и столярной части...

— Мастеръ-то я на совѣсть, — улыбувшись, отвѣтилъ Генрихъ Шпигъ.

— И надо хорошо запомнить: Степанъ Тарасовъ, а отчество будетъ Тарасовичъ. Итакъ, Степанъ Тарасовичъ Тарасовъ. А это рекомендательное письмо къ директору. Вы его предъявите, и вамъ тотчасъ же дадутъ мѣсто. И, пожалуйста, всякій чертежъ, всякую замѣтку приносите мнѣ. Я буду тутъ черезъ двѣ недѣли, буду сидѣть въ залѣ за столомъ. Вы подойдете и попросите у меня за столомъ мѣсто, сядете подлѣ и спросите кружку пива, выпьете и на столѣ оставите бумаги, а потомъ уходите. А я вамъ буду давать записку, гдѣ намъ увидѣться въ другой разъ.

— Отлично! — сказалъ тотъ, быстро вставая. — Сейчасъ у меня есть еще дѣло. Я пойду.

— Пожалуйста, — отвѣтилъ Иванъ Ивановичъ, протягивая ему свою руку.

— Надѣюсь, что сумѣю пригодиться, — бойко отвѣтилъ Генрихъ Шпигъ, и выскользнулъ изъ комнаты.

Иванъ Ивановичъ покрутилъ головою, потеръ себѣ руки, закурилъ новую, вонючую сигару и напилъ себѣ стаканъ краснаго вина, снова придвинувъ ветчинау.

— Можно? — послышался голосъ.

— Я, я! — быстро отвѣтилъ Иванъ Ивановичъ, и когда вошелъ посѣтитель, онъ слегка приподнялся, посмотрѣлъ на него внимательно, а потомъ сказалъ по-русски:

— А! Это вы, Виталій Яковлевичъ. Очень радъ. Садитесь и закусывайте. Будемъ хорошо съ вами знакомы. Мнѣ рекомендовалъ васъ очень хорошій и вѣрный человекъ...

Вошедшій поклонился, небрежно пожалъ толстую руку съ ко-

роткими пальцами и, сбросивъ съ себя довольно легкое пальто, сѣлъ за столъ противъ Ивана Ивановича.

Это былъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати восьми, высокаго роста, стройный, немного худощавый; лицо его было измождено, видимо, безпутной жизнью, а глаза смотрѣли безпокойно; его манеры показывали, что онъ былъ хорошо воспитанъ и, вѣроятно, былъ когда-то богатъ.

Иванъ Ивановичъ пересталъ жевать и обратился къ пришедшему:

— Милости прошу, кушать. Можетъ быть, желаете чего-нибудь горячаго?

— Съ удовольствіемъ, — развязно потирая руки съ длинными, тонкими пальцами, отвѣтилъ Виталій Яковлевичъ. — Прикажете сдѣлать щипленка. Я думаю, въ этомъ кабакѣ найдется свѣжая птица?

— О! Я буду приказывать.

Иванъ Ивановичъ позвонилъ и отдалъ приказаніе вошедшему лакею.

— А пока, съ вашего позволенія, выпью рюмку водки и закушу.

Виталій Яковлевичъ протянулъ руку къ графину, налилъ рюмку, выпилъ и сталъ закусывать.

Иванъ Ивановичъ пристально разглядывалъ черты его лица, потомъ осторожно проговорилъ:

— Мнѣ про васъ говорили много. Говорили, что вы человѣкъ очень рѣшительный.

— Пожалуй. Но рѣшимость моя всегда соотвѣтственна платѣ.

— Вы получите тотчасъ три тысячи рублей.

— Я нахожу, что надо пять.

— Вы будете получать пять, если исполните все, что вамъ будетъ поручено.

— Часть я уже исполнилъ.

— Именно?

— Я снялъ комнату въ «Женевѣ» и какъ разъ рядомъ съ № 11. Устроился тамъ отлично. Я выкрасился.

— Да! Это уже немного шагъ...

— Узналъ все, что нужно. Дѣло его, кажется, на-дняхъ будетъ покончено.

— Тогда надо очень спѣшить!

— Я это понимаю. И вотъ, если пять тысячъ васъ не разорятъ, то я согласенъ. Вы знаете, я рискую всей своей карьерой.

Иванъ Ивановичъ покачалъ головой и сказалъ:

— Карьеръ! Мнѣ говорили, что вы карьеръ уже спортили.

— Да, сломалъ себѣ шею; былъ богатъ, и растратился, но я могу еще стать на ноги; можно работать, можно достать хлѣбъ...

— Да, но если вы замарались и если вы уже сдѣлали маленькій подлогъ...

Виталій Яковлевичъ вздрогнулъ.

— Вы откуда знаете?

— Ну, мой хорошій знакомый говорилъ про это, и говорилъ даже, что есть маленькое доказательство, которое у него имѣется.

— У него доказательства?

— Да! Онъ тогда выкупалъ этотъ вексель.

Виталій Яковлевичъ усмѣхнулся:

— Хорошо вы обставляете ваши дѣла... Но, — все равно, если я и испортилъ свою карьеру, то все-таки еще могу найти работу, получше, чѣмъ каторжную...

— Ха-ха-ха! — засмѣялся Иванъ Ивановичъ. — Это очень хорошо сказано. Работа получше, чѣмъ каторжная... Ну, хорошо. Вы будете имѣть пять тысячъ, и это будетъ тотчасъ: вы принесете, — мы дадимъ...

— Отлично, — сказалъ молодой человѣкъ.

Въ это время лакей раскрылъ дверь и внесъ судокъ съ заказаннымъ цыпленкомъ.

Едва онъ ушелъ, какъ Виталій Яковлевичъ набросился на фѣду, а Иванъ Ивановичъ тихимъ голосомъ сталъ объяснять ему сущность дѣла, послѣ чего передалъ ему маленькій свертокъ, а затѣмъ вынулъ бумажникъ, досталъ пятьсотъ рублей и сказалъ:

— Это вамъ, задатокъ; будете писать маленькую расписку.

— Съ большимъ удовольствіемъ, — вытирая о салфетку пальцы и губы, отвѣтилъ Виталій Яковлевичъ.

III.

Жилецъ № 11:

Если міровыя столицы, и даже большіе города Европы, рѣзко отличаются другъ отъ друга распланировкой улицъ, архитектурными украшеніями и самымъ населеніемъ, то «меблированныя комнаты», громко названныя именами столицъ и большихъ городовъ Европы, едва ли чѣмъ-нибудь отличаются другъ отъ друга. И «Вѣна», и «Парижъ», и «Неаполь», и «Одесса», и «Прага» всѣ имѣютъ длинный, полутемный коридоръ съ дверьми налѣво и направо, за которыми находятся комнаты съ грязными обоями, пыльными занавѣсками, съ обитой плюшемъ или репсомъ старой мебелью, съ неизмѣннымъ овальнымъ и письменнымъ столами рыночной работы, съ грубымъ шкафомъ, и драпировкой, закрывающей постель. У подъѣзда развязный швейцаръ, въ коридорахъ обозленные, усталыя дѣвушки. И самое населеніе, несмотря на разнообразіе профессій, всегда однообразно по своему составу: отставной военный, неудачникъ, ищущій мѣсто, курсистка, бойкая дѣвица неопредѣленной профессіи, акушерка, массажистка, пропадающая неизвѣстно гдѣ до глубокой полночи, телеграфистка или телефонистка, изнуренная работой, развязный господинъ безъ опредѣленныхъ занятій, музыкантъ. Всѣ они размѣщаются по комнатамъ и

живутъ своей обособленной жизнью, въ то же время принадлежа къ типичной корпораціи жильцовъ «меблированныхъ комнатъ».

И жизнь течетъ въ этихъ учрежденіяхъ то бурнымъ потокомъ съ грязною цѣной, то тихой спокойной рѣкой, въ которой безопасно плещутся и лебѣ, и серебристая плотва, и черная, зубастая щука.

Меблированные комнаты «Женева» ничѣмъ не отличались отъ «Парижа» или «Брюсселя». Содержатель ихъ, бывшій околоточный, Сидоръ Васильевичъ Понкратовъ, огромный, толстый мужчина, съ волочащейся правой ногой, рябымъ лицомъ и синими очками на толстомъ носѣ, съ утра выходилъ изъ своей комнаты на крыльцо и сидѣлъ на мягкомъ стулѣ, мирно бесѣдуя со швейцаромъ Михайломъ, который зналъ всѣ тайны каждой комнаты. Съ утра расходились во всѣ стороны столицы жильцы этихъ комнатъ, а потомъ къ 6 часамъ вечера мало-по-малу собирались. Въ теченіе дня царилъ въ коридорахъ тишина, а потомъ до поздняго вечера хлопали двери, звонили звонки и раздавались пѣніе, голоса, смѣхъ и музыка.

Талъ было и въ этотъ день. Сидоръ Васильевичъ пообѣдалъ, выспался и сидѣлъ у дверей на своемъ стулѣ, когда стали понемногу возвращаться жильцы его комнатъ, перебрасываясь съ хозяиномъ парой, другой словъ.

Вотъ возвратился жилецъ № 7, Капитопъ Аркадьевичъ Востриковъ, служащій чиновникомъ въ контролѣ. Слѣдомъ за нимъ унылой походкой прошелъ Свербиуховъ съ подвязанной щекой.

Почти слѣдомъ за нимъ къ подъѣзду быстрыми шагами подошелъ высокаго роста, съ крупными чертами лица, освѣщенными радостной улыбкой, господинъ, одѣтый въ пальто съ бобровымъ воротникомъ и котиковую шапку, съ толстымъ портфелемъ подъ мышкой. Онъ еще издали весело кивнулъ Сидору Васильевичу, на что Сидоръ Васильевичъ почтительно приподнял свой котелокъ.

— Съ удачей, Александръ Ефремовичъ? — съ заискивающей улыбкой спросилъ онъ.

— Съ удачей, Сидоръ Васильевичъ! Послѣ завтра назначаютъ комиссію, и мое дѣло сдѣлано. Сегодня говорилъ съ самимъ министромъ.

— Ну, дай вамъ Богъ! — сказалъ Сидоръ Васильевичъ, на что вошедшій кивнулъ головой и быстро, черезъ ступеньку, сталъ подниматься по лѣстницѣ.

— Голова съ мозгомъ, — сказалъ Сидоръ Васильевичъ швейцару, опускаясь на стулъ.

Швейцаръ кивнулъ:

— Третьяго дня курьеръ изъ министерства пріѣзжалъ, а на недѣлѣ генералъ былъ. Изобрѣлъ, рассказываетъ, такое, что можно на разстояніи, какую хочешь мину взорвать; а потомъ, всякій аэропланъ снизу разбить можетъ. Чудно! Денегъ у него будетъ тысячи, надо полагать.

— Поломалъ за то голову. Недаромъ, — наставительно сказалъ

Сидоръ Васильевичъ, и приподнялъ котелокъ, привѣтствуя новаго жильца.

Тѣмъ временемъ жилецъ быстро поднялся въ третій этажъ, вынулъ изъ кармана ключъ и открылъ комнату № 11. Почти тотчасъ изъ двери комнаты № 10 быстро высунулась голова вчерашняго собесѣдника Фанъ Фаныча, Виталія Яковлевича Архалукова. Онъ взглянулъ на дверь номера одиннадцатаго и такъ же быстро, какъ мышь въ нору, скрылся у себя въ комнатѣ.

Жилецъ изъ № 11 былъ инженеръ-технологъ, пріѣхавшій изъ Кіева, Александръ Ефремовичъ Лавровъ. Уже во время своего пребывания въ технологическомъ институтѣ, онъ проявлялъ удивительныя способности и посвятилъ себя исключительно изученію токовъ большого напряженія и электрическихъ волнъ.

Окончивъ институтъ, онъ поступилъ сначала на заводъ электрическаго освѣщенія, потомъ служилъ на электрической станціи городскихъ трамваевъ, и все свободное время посвящалъ работѣ надъ своими изобрѣтеніями. Наконецъ, достигнувъ желанныхъ результатовъ, онъ оставилъ службу, и въ августѣ мѣсяцѣ прошлаго года пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ и остановился въ меблированныхъ комнатахъ «Женева».

И тотчасъ начались мытарства изобрѣтателя; быть можетъ, онъ не добился бы никакаго толка, если бы случайно его изобрѣтеніемъ не интересовался ученый штабный полковникъ, Рошинъ, который послѣ бесѣды съ нимъ сталъ его горячимъ защитникомъ.

Все сразу уладилось. Обѣщали тотчасъ назначить комиссію для разсмотрѣнія изобрѣтеній Лаврова, и черезъ какой-нибудь мѣсяцъ должно было рѣшиться его дѣло.

Лавровъ, сіяя радостью, бросилъ портфель на столъ, переодѣлся, и сѣлъ писать письмо своему брату въ Одессу.

Онъ передалъ ему о своей удачѣ, и потомъ писалъ, радостно улыбаясь: «и прибавлю еще, что хотя мнѣ и совѣстно оставить тебя холостякомъ въ одиночествѣ, но я все-таки рѣшился на измѣну, и думаю жениться. Думаю потому, что не знаю еще, согласится ли она. Она — это моя милая сосѣдка по комнатѣ. Я, никогда не замѣчавшій женщинъ, вдругъ загорѣлся и чувствую, что отъ ея согласія зависить счастье моей жизни».

Онъ окончилъ письмо, закурилъ папиросу, и отдался мечтамъ.

Сердце ему подсказывало, что онъ не обманется въ своихъ надеждахъ.

Въ комнатѣ № 4 жили двѣ подружки-консерваторки, и одна изъ нихъ, Вѣра Павловна Стремиллова, привлекла Лаврова своимъ характеромъ, милымъ лицомъ и живымъ участіемъ въ его дѣлѣ. Каждый вечеръ онъ приходилъ въ комнату № 4, гдѣ вмѣстѣ съ милыми дѣвушками пилъ чай. Онъ рассказывалъ имъ о своихъ задачахъ, развивалъ передъ ними яркія картины успѣховъ электричества, говорилъ о торжествѣ техническихъ знаній, а Стремиллова и ея подруга Ковалева играли на пiанино. Иногда они шли въ театръ или кинематографъ, и Лавровъ все больше и больше увлекался Стремилловой...

Онъ докурить папиросу, когда въ дверь раздался стукъ, и по коридору простучали женскіе каблуки.

Лавровъ встрепенулся. Это вернулась домой Стремиллова и подала ему вѣсть о себѣ.

Онъ, улыбаясь, всталъ, открылъ свой портфель, вынулъ изъ него небольшую папку и, взявъ ее съ собой, вышелъ изъ комнаты и постучалъ въ дверь четвертаго номера.

— Войдите! — раздался звонкій голосъ.

IV.

На порогъ счастья.

Комната Стремилловой и ея подруги была гораздо больше номера одиннадцатаго. Въ ней стояли прекрасное піанино, взятое подругами напрокатъ, два письменныхъ стола и широкая оттоманка.

Стремиллова радостно улыбнулась Лаврову.

Невысокаго роста, стройно сложенная, съ пышными волосами пепельнаго цвѣта, высокимъ бѣлымъ лбомъ и вздернутымъ носомъ, она не могла назваться красавицей, но большіе сѣрые глаза ея лучились и вся она, молодая, свѣжая, жизнерадостная, словно была проникнута солнечнымъ свѣтомъ горячаго лѣта.

— Ну, говорите. Какія ваши вѣсти? — спросила она, протягивая Лаврову руку, и онъ отвѣтилъ ей въ тонъ:

— Я былъ у министра и онъ обѣщалъ на-дняхъ составить комиссію.

— Садитесь и рассказывайте все подробно, — быстро сказала Стремиллова, не выпуская его руки и подводя его къ софѣ. Онъ опустился и положилъ на столъ папку, а она сѣла возлѣ него въ кресло.

Лавровъ началъ свой рассказъ.

Онъ передалъ ей о послѣднемъ свиданіи съ полковникомъ Роцинымъ, объ его восторженныхъ отзывахъ и о приѣмѣ министра. Министръ встрѣтилъ его очень внимательно. Они говорили почти часъ времени, и министръ сказалъ: «Это будетъ для насъ драгоцѣнное приобрѣтеніе. Я немедленно поспѣшу назначить комиссію для разсмотрѣнія вашихъ изобрѣтеній».

— И вотъ, — окончилъ Лавровъ, — на этой недѣлѣ меня вызовутъ въ комиссію; что я получу ютъ нихъ одобреніе, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія для меня. Вы знаете, въ чемъ мое изобрѣтеніе?

— Это — военная тайна, — сказала съ улыбкой Стремиллова.

— Отъ васъ у меня тайнъ нѣтъ. Смотрите, — и онъ развернулъ чертежи, смѣты, схемы и сталъ объяснять ихъ внимательной слушательницѣ.

Она наклонилась надъ чертежами, но въ то время, какъ онъ говорилъ, она больше прислушивалась къ его голосу и любовалась его лицомъ, которое свѣтилось энтузіазмомъ.

И то, что онъ ей рассказывалъ, казалось удивительно, какъ сказка. Онъ можетъ на разстояніи производить взрывы. Онъ можетъ взорвать пороховой погребъ идущаго броненосца на разстояніи 16 верстъ. Онъ можетъ взорвать всѣ мины, набросанныя въ морѣ непріателемъ. Онъ можетъ взорвать пороховые погреба, находящіеся въ крѣпости.

— Это какое-то чудо! Это — волшебство, — повторяла Стремиллова и восторженно смотрѣла на Лаврова.

Онъ улыбнулся.

— Долго объяснять, а то бы вы поняли, что здѣсь нѣтъ никакого волшебства. Такимъ же волшебствомъ показался бы 15 лѣтъ тому назадъ радіотелеграфъ или телефонъ безъ провода, а въ настоящее время это понимаетъ и гимназистъ шестого класса.

Онъ сложилъ свои чертежи, отложилъ записки, взглянулъ радостно на Стремиллову и тихо спросилъ:

— Ваша подруга скоро вернется?

— Она ушла къ знакомымъ и будетъ дома не раньше десяти часовъ. Если вы хотите пить чай, — сказала она съ неловкимъ замѣшательствомъ, — я сейчасъ потребую самоваръ.

Лавровъ удержалъ ее за руку.

— Нѣтъ, Вѣра Павловна. Сейчасъ я хочу говорить съ вами.

Она снова опустилась въ кресло. Лицо ея вдругъ поблѣднѣло и руки стали холодны.

Лавровъ заговорилъ взволнованнымъ голосомъ:

— Съ той поры, какъ мы съ вами знакомы, прошло уже болѣе полгода. Вѣроятно, вы успѣли меня сколько-нибудь узнать. Я, Вѣра Павловна, ѣхалъ сюда съ мыслями только о своемъ изобрѣтеніи и его успѣхѣ. Но когда я познакомился съ вами, для меня этотъ вопросъ отошелъ на второй планъ. Если я хочу теперь успѣха своего дѣла и лично своего, то только ради... — онъ замялся. — Только ради права обратиться къ вамъ уже болѣе смѣло и рѣшительно, — окончилъ онъ.

Стремиллова молчала, крѣпко сжавъ холодящія руки.

Лавровъ наклонился къ ней.

— Вѣра Павловна, я полюбилъ васъ. Я полюбилъ васъ съ перваго взгляда и съ каждымъ днемъ мое чувство къ вамъ росло. Я одинокъ. Я зарабатываю столько, что могу дать женѣ обеспеченную и спокойную жизнь, а теперь, быть можетъ, буду и богатъ. Вѣра Павловна, если вы можете согласиться, то...

Лавровъ схватилъ ея руки и, сжимая ихъ, сказалъ:

— Вѣра Павловна, я васъ люблю. Скажите, есть ли для меня хоть сколько-нибудь мѣста въ вашемъ сердцѣ?... Вѣра Павловна...

Онъ наклонился къ ней.

Она молчала, но ея грудь выдавала ея волненіе.

Онъ приблизилъ къ ней свое лицо и тихо сказалъ:

— Скажите — да, нѣтъ?

До него глухимъ, тихимъ шопотомъ донеслось отвѣтное: